

СТАТЬИ

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

DOI: 10.31696/S086919080036907-4

ИСЛАМСКО-ЕГИПЕТСКИЙ СЮЖЕТ О ПАДЕНИИ ЦАРЯ,
ЗАМЫСЛИВШЕГО ПОГУБИТЬ СВОИХ ПОДДАННЫХ,
И ЕГО ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЕ КОРНИ¹

© 2026

А.А. НЕМИРОВСКИЙ^a

^a – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8023-8817; sidelts@inbox.ru
Scopus Author ID: 57215696754; ID WoS: M-2305-2018

Резюме: В VIII – IX вв. в Египте сложилась ученая исламская арабоязычная традиция о его древнем прошлом, основанная урожденными в стране потомками арабо-персидских переселенцев, но использовавшая в первую очередь материал исконной доисламской египетской (коптской) традиции. Среда исламско-египетских авторов черпала его как от египтян, принявших ислам, в том числе пополнявших названную среду, так и от коптов-христиан. Указанная исламско-египетская традиция о фараоновском Египте в ходе своего многовекового существования отличалась высокой устойчивостью сюжетов и общей хронологической схемы. В первом дошедшем памятнике этой традиции – «Завоевании Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса» Ибн Абд ал-Хакама (IX в.) – приводится изолированный сюжет о древнем царе «Бауле», изложенный автору ученым египтянином и несовместимый со стандартной информацией, которую приводят о Бауле исламские авторы, включая сообщения самого Ибн абд ал-Хакама от собственного лица. У них Баула (он же Нула, Билуна в других рукописях) – 5-й царь, считая назад от падения независимости Египта под ударом азиатских завоевателей, разгромивший царя Иудеи и сменивший на престоле сыном, что отвечает Нехо II. Однако в вышеупомянутом рассказе ученого египтянина Баула замысливает погубить своих подданных, и те свергают его, посадив на престол представителя другого рода, а самого Баулу оставив (по крайней мере, на какое-то время) в живых. Детальный анализ этого сюжета показывает, что он восходит к отраженной у Геродота египетской историко-легендарной традиции о низвержении царя Априя египтянами во главе с Амасисом (Hdt. II.161–163, 169) и является поздней формой ее бытования, а его привязка к имени «Баула», под которым в исламско-египетской

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-00378 «Происхождение и состав позднеантичной и средневековой картины прошлого Ближнего Востока и Эгеиды в древнейший (доахеменидский) период», <https://rscf.ru/project/24-18-00378/>

The research is sponsored by the grant No. 24-18-00378 of the Russian Science Foundation “The Origin and the Contents of the Late Antique and Medieval Picture of the Near Eastern and Aegean Past in the Earliest (pre-Achaemenid) Period”, <https://rscf.ru/project/24-18-00378/>

учености выступал иной государь – Нехо II – является плодом частого для Египта переноса сюжетов с одной реальной исторической фигуры на другую.

Ключевые слова: Древний Египет, исламско-египетская традиция, Баула, Априй, Амасис

Для цитирования: Немировский А.А. Исламско-египетский сюжет о падении царя, замыслившего погубить своих подданных, и его древнеегипетские корни. *Восток (Oriens)*. 2026. № 3. С. 6–16. DOI: 10.31696/S086919080036907-4

ISLAMIC-EGYPTIAN TALE ABOUT FALL OF A KING WHO PLANNED TO DESTROY HIS SUBJECTS, AND ITS ANCIENT EGYPTIAN ROOTS

© 2026

Alexander A. NEMIROVSKY^a

^a – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8023-8817; sidelts@inbox.ru
Scopus Author ID: 57215696754; ID WoS: M-2305-2018

Abstract: In the 8th–9th centuries AD, an Arabic-language Islamic tradition about Egypt's ancient past developed in the country, founded by local scholars of Arab-Persian descentance, and based on the original pre-Islamic Egyptian (Coptic) material. The very first surviving specimen of this tradition, i.e. “The Conquest of Egypt...” by Ibn Abd al-Hakam (9th century AD), contains an isolated story about the ancient Egyptian king “Baulah”, told by a “learned Egyptian”, and incompatible with the standard information that this tradition provides about Baulah, including what is reported by Ibn abd al-Hakam himself on his own behalf. According to this information, Baulah (aka Nulah, Bilunah in various manuscripts) is the 5th king, counting from the fall of Egypt's independence under the Asian conquest, who defeated the king of Judea and was replaced on the throne by his son, all of which corresponds to Necho II. However, in the above-mentioned story of the learned Egyptian, Baulah plots to destroy his subjects, and they overthrow him, placing a representative of another king on the throne, and leaving Baulah (at least for some time) alive. Detailed analysis of this plot shows that it goes back to the Egyptian legendary tradition reflected by Herodotus about the overthrow of King Apries by the Egyptians led by Amasis (Hdt. II.161–163, 169), and its connection with “Baulah”, the main prototype of whom was another sovereign, i.e. Necho II, was a result of the transfer of plots from one real historical figure to another; a quite frequent case in Egypt.

Keywords: Ancient Egypt, Islamic-Egyptian tradition, Baulah, Apries, Amasis

For citation: Nemirovsky A.A. Islamic-Egyptian Tale about Fall of a King Who Planned to Destroy His Subjects, and its Ancient Egyptian Roots. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 3. Pp. 6–16. DOI: 10.31696/S086919080036907-4

Исламская арабоязычная традиция Египта о древнем прошлом этой страны² была сформирована в VIII–IX вв., прежде всего урожденными в Египте исламскими учеными арабского и персидского происхождения, однако их главным источником был местный, египетский историко-легендарный материал, получаемый как от коренных египтян, перешедших в

² О ней см.: [Wiet, 1953, p. 16–29; Cook, 1983; El-Daly, 2005; Банщикова, 2015, с. 19–22, 46–79; Немировский, 2022, с. 177–188].

ислам (кто-то из них и сам пополнял ученые круги), так и от египтян, удерживающих христианство – «коптов» исламского времени. В результате, как все больше выясняется, исламско-египетские труды систематически передают сюжеты доисламской египетской традиции, в том числе бытовавшие в последней с глубокой древности и часто не дошедшие до нас ни в каком виде, помимо этой поздней передачи³.

Первым дошедшим текстом этой традиции является «Завоевания Египта...» Ибн Абд ал-Хакама⁴ (IX в., из семьи арабского происхождения, переселившейся в Египет несколькими поколениями ранее). История древнего независимого Египта в этом труде завершается его последней династией, оборванной азиатским завоеванием страны; и по этому своему месту, и по информации, которая приводится о некоторых ее царях, она отвечает XXVI династии реальной истории [Немировский, 2025], хотя имена этих царей, как почти всегда в исламско-египетской традиции, не имеют ничего опознаваемо общего с реальными именованиями правителей древнего Египта. Пятым правителем, считая назад от конца этой династии = азиатского завоевания Египта, у Ибн абд ал-Хакама является некий «Баула» (у Масуди это имя дано в форме Билуна, у Макризи – в форме Нула [Maçoudi, 1863, p. 410; Maqrizi, 1895, p. 410–411]); он, согласно автору, победил Иудею, пленил и угнал в Египет ее царя, умер, оставаясь царем, от падения с лошади и был сменен на престоле своим сыном Маринусом [Ибн Абд ал-Хакам, 1985, с. 49]. И по своему порядковому месту, считая от конца династии, и по сообщению о его победе над Иудеей и уводе в плен ее царя «Баула» однозначно отвечает Нехо II (который в реальной истории победил иудейского царя Иосию и угнал в плен в Египет его преемника Иоахаза; Маринус тем самым отвечает Псамметиху II).

В качестве своего рода примечания к сообщениям о Бауле Ибн Абд ал-Хакам излагает предание о древнем царе, задумавшем истребить своих служилых и за это свергнутом египтянами [Ибн Абд ал-Хакам, 1985, с. 49–50], сообщенное ему неким «шейхом из ученых египтян»⁵, то есть одним из коренных египтян, с одной стороны, владевших историко-легендарной традицией своего народа, с другой, уже перешедших в ислам и пользовавшихся арабским языком. Коптское доисламское происхождение предания явствует не только из его общего содержания, но и из того, что гончар и его гончарная печь обозначаются там словом قراموس, *кирамус*, уникальным для арабского языка и заимствованным туда из греческого через коптский [Totteu, 1899(1), p. 213, n. 1].

Сам шейх-информант называл героя обсуждаемого предания царем Баулой (поэтому Ибн Абд ал-Хакам и приводит его рассказ при изложении сведений о Бауле), однако по содержанию оно совершенно несовместимо с тем, что о Бауле сообщает (по сведениям, полученным, разумеется, тоже от коренных египтян) ученая исламско-египетская традиция, в том числе сам Ибн Абд ал-Хакам от своего лица здесь же. В предании, которое шейх-египтянин рассказал Ибн Абд ал-Хакаму, царь, который называется в нем Баулой, был свергнут египтянами при участии приглашенного ими на престол юного сына одного из прежних царей; этот человек и сменил Баулу на престоле (см. ниже, прим. 10), однако

³ См.: [Mittag, 1924] – выявление воспроизведения части списка Манефона в тексте Макризи; [Банщикова, 2007; Немировский, 2019(1)] – сюжет о царице Далуке, правившей на катастрофическом переломе эпох истории Египта, как передача египетской традиции о рубеже XIX / XX династий, воспринимавшемся в ней как такой перелом; [Немировский, 2019(2)] – передача исламской традицией подробных преданий о царях и событиях финала Амарнской эпохи, начиная с Тутанхамона; [Немировский, Банщикова, 2020] – передача исламской традицией подробных преданий о реформе Эхнатона и ее отмене Хоремхебом; [Немировский, 2022] – передача в исламской традиции сюжетов о гиксосах и падении их власти.

⁴ Критическое издание оригинала [Totteu, 1922]; рус. перевод [Ибн Абд ал-Хакам, 1985].

⁵ В литературе это предание практически не изучалось: насколько нам известно, лишь Ч. Торри обратил внимание на то, что в нем использован фольклорный сюжет о царе, задающем загадки нижестоящему [Totteu, 1899(1); 1899(2)]. Вопрос о его возможном историческом ядре не ставился.

тот пощажен и остался, повредившись в уме, сидеть у врат столицы (по крайней мере на какое-то время – о том, что с ним стало в итоге, ничего не говорится), см. ниже. Ни с реальным Нехо II, ни с Баулой стандартной исламско-египетской версии истории Египта, которую разделяет сам Ибн Абд ал-Хакам, ничего подобного не происходило: как упоминалось, от своего лица Ибн Абд ал-Хакам сообщает, что Баула умер, упав с лошади, будучи в этот момент по-прежнему царем, а ему наследовал его сын.

Такое расхождение данного «шейха из ученых египтян» с исламско-египетской традицией о Бауле (почерпнувшей свои сведения также от египтян) могло бы объясняться по-разному: как произвольными выдумками неких носителей египетских легенд об определенном персонаже, так и тем, что в каком-то случае на этого персонажа был перенесен сюжет, изначально являвшийся легендой об ином правителе, что и создало расхождение с другими сообщениями о первом персонаже. Первая же фраза шейха в изложении Ибн Абд ал-Хакама побуждает подозревать, что здесь имел место именно такой перенос. Эта фраза звучит: «Тот [царь], кого египтяне свергли, был Баула» (см. ниже), то есть специально устанавливает отождествление Баулы с «тем [царем], которого свергли египтяне» – героем предания. Из такой конструкции следует, что сюжет о свержении говорил, собственно, о неназванном по имени царе (аналогично тому, что имя сменившего его на престоле юноши в предании тоже не названо, см. ниже), ходил как история «о царе, которого свергли египтяне», и лишь в порядке вторичного дополнения к этому сюжету какие-то египтяне отождествили его свергнутого героя, на тот момент в известной им легенде безымянного, с «Баулой». До даже независимо от обсуждаемой фразы общеизвестно, как часто и легко египетские предания контаминировали своих героев и переносили сюжеты и мотивы с одного из них на другого, и это дает основания объяснять непримиримость рассказа шейха о царе, которого он считает Баулой, с общепринятой исламско-египетской историей царя Баулы подобным переносом.

Итак, вероятно, что привязка к нашего сюжета к Бауле была осуществлена вторично по отношению к предыдущей стадии его бытования, когда имена низвергнутого и нового царей в нем выпали (новый царь остался безымянным и в рассказе «шейха»). Скорее всего, исконный главный герой этого сюжета стоял в легендарном царском ряду на месте, близком к подлинному Бауле исламско-египетской учености – Нехо II, что и способствовало обсуждаемому переносу; иными словами, возможный исторический прототип этого героя (если, конечно, таковой имелся вообще) с наибольшей вероятностью нужно искать в пределах эпохи «Баулы» – то есть времени правления XXVI династии.

Приведем теперь целиком обсуждаемый рассказ шейха, как его передает Ибн Абд ал-Хакам [Ибн Абд ал-Хакам, 1985, с. 49–50]:

Рассказал мне [Ибн Абд ал-Хакаму] шейх из ученых египтян: Тот [царь], кого египтяне свергли, был Баула. Произошло это потому, что он призвал вазиров и тех, кому цари – его предшественники – назначали жалованье и награды, а Баула будто бы считал, что этого слишком много, и сказал:

«Я хочу у вас спросить кое-что. Если вы ответите мне на это, я прибавлю вам жалованье и увеличу ваше могущество. А если вы не ответите, я отрублю вам голову».

Они ответили: «Спрашивай, государь, о чем хочешь». Он сказал: «Скажите мне, что делает Аллах всеблагой и всевышний каждый день? Сколько звезд на небе? Каков размер того, что солнце заслуживает от людей каждый день?» Они попросили отсрочки [для ответа], и он дал им месяц для этого. Они стали каждый день выходить из города Манф, останавливаться в тени гончарной печи и обсуждать то, что им следовало [решить]. А затем они возвращались [в город]. Владелец гончарной печи наблюдал за ними. Однажды он подошел к ним и спросил, в чем состоит их дело. Они ему рассказали, и он ответил:

«Я знаю то, что вам нужно. Только у меня гончарная печь, а ее нельзя оставлять без присмотра. Пусть один из вас сядет вместо меня и работает у нее, а вы дайте мне коня вроде ваших и оденьте меня в платье, подобное вашим». Они сделали так⁶. А в городе у одного из царей был сын, обстоятельства которого ухудшились. Гончар пришел к нему и спросил, заботит ли того царство его отца и стремится ли он к нему. Тот ответил: «Невозможно вывести его – подразумеваю царя Баулу – из города Манф». Гончар обещал: «Я выведу его для тебя»⁷. И тот собрал ему [необходимые] вещи.

Затем гончар пошел, пока не вошел к Бауле, и сообщил ему, что знает о том, что тот спрашивал. Баула сказал ему: «Расскажи мне, сколько звезд на небе?» Гончар достал мешок песка, который был с ним, и высыпал перед Баулой со словами: «[Их число] подобно числу этого». Баула возразил: «А как ты узнал, [так ли это]?» Гончар ответил: «Прикажи кому-нибудь пересчитать!» Баула спросил: «Каков размер того, что заслуживает солнце от людей каждый день?» Гончар ответил: «Один кират, потому что работник весь день до ночи трудится и берет в уплату столько». Баула продолжил: «А что делает Аллах преславный и превеликий каждый день?» Гончар ответил: «Это я хочу [сказать] завтра». [Назавтра] гончар вышел вместе с Баулой [из города] и привел его к одному из вазиров, которого посадил вместо себя. [Тут] гончар сказал Бауле: «Аллах преславный и превеликий каждый день унижает одних, возвышает других и посылает смерть третьим»⁸. [Из таких его действий] то, что один из твоих вазиров сидит, работая у гончарной печи, а я, гончар, на коне из царских коней, и на мне одежда из их одежд или подобная этому». Он сказал [еще], что такой-то, сын такого-то, закрыл от Баулы город Манф⁹. Баула поспешно вернулся, но [ворота] города Манф были заперты. Вместе с юношей, сыном царя, они напали на Баулу и свергли его. Так на него навели порчу. И он стал сидеть у ворот города Манф, [что-то] нашептывая и бессвязно бормоча. И об этом у коптов есть присловье. Когда кому-нибудь из них говорят то, что он не может понять, он отвечает: «Поговори-ка с Баулой!», подразумевая этого царя и его нашептывание¹⁰.

Основное движение сюжета осуществляется, конечно, за счет чисто фольклорного механизма. Однако это еще не говорит ничего определенного о наличии / отсутствии и идентичности реального прототипа свергнутого царя: в египетской традиции с древних времен было обычным делом внедрение чисто сказочного сюжета в историю, где задействованы реальные правители и обстоятельства и даже основные реальные коллизии во взаимодействии этих правителей, причем в наиболее ярком случае такого рода (Повесть

⁶ Из дальнейшего ответа гончара Бауле следует, что у гончарной печи его заменил один из вазиров.

⁷ По этим фразам ясно, что, согласно преданию, Баулу невозможно было одолеть в столице, ниспровергнуть его можно было только выманив его из нее; все это и было выполнено далее.

⁸ В контексте повествования эта фраза оказывается предвещанием низвержения самого Баулы и тем самым функционирует как знак того, что это низвержение предопределено богом.

⁹ В этом «таком-то, сыне такого-то» остается видеть того самого «сына одного из [прежних] царей», которого египтяне сочли необходимым привлечь к заговору и который возглавил их нападение на Баулу за запертыми стенами Манфа; этого сына, как и его отца, повествование также оставляет без имени.

¹⁰ Поскольку повествование посвящено судьбе свергнутого царя, в нем не оговорено прямо, кто занял престол после его свержения. Однако нет сомнения, что это был тот самый сын одного из прежних царей, которого гончар привлек к заговору. Это видно из сочетания следующих моментов: этого царского сына гончар вообще считает необходимым привлечь к заговору против Баулы (ради чего еще, как не для занятия престола? Никаких действий этого царевича как участника исполнения их планов в тексте не описано, так что для этого он им необходим не был); само вовлечение этого сына в заговор заявляется как желание помочь его «стремлению к царству своего отца»; гончар обещает ему вывести Баулу из города на низвержение со словами, что это будет сделано «для тебя» (этого сына какого-то прежнего царя); наконец, фраза «вместе с юношей, сыном царя, они (египтяне) напали на Баулу и свергли его» явно подразумевает его выделение в качестве возглавителя египтян в низвержении Баулы.

об Апопи и Секененра, см. ниже) использован как раз тот сюжетный сказочный тип, который присутствует в рассказе шейха о свергнутом царе. Сам этот тип опознается без труда [Torgre, 1899(1); 1899(2)] – хитрые загадки сильнейшего слабейшему и ответы на них, по современной классификации ATU 922. В сюжетах этого типа некий правитель обращается со ставящими в тупик хитрыми вопросами или требованиями к высокопоставленному, но чем-то более слабому лицу / лицам (своим поданным из числа элиты или более слабому правителю; лишь иногда речь идет о взаимном состязании государей, примерно равных по статусу и силе, но в этом случае вопрошающий в начале фабулы превосходит вопрошаемого либо хитроумием вопроса, либо тем, что имеет инициативу); если запрошенный не сумеет ответить на вопросы или выполнить запрос, он должен будет что-то потерять (иногда жизнь). Однако он находит столь же хитрый ответ – сам или с чьей-то помощью – и посрамляет своего оппонента¹¹.

Первый дошедший пример этого сюжетного типа – как раз египетский, он реализован в знаменитой новоегипетской повести об Апопи и Секененра (Pap. Sallier I), где Апопи – нечестивый, не почитающий Ра гиксосский царь «города азиатов-ааму» Авариса, откуда исходит «беда» для египтян, желая притеснить фиванского благочестивого, но намного более слабого, зависимого от него и боящегося его царя Секененра, обращается к нему с непонятным по абсурдности и невыполнимости требованием (выгнать бегемотов из района Фив, потому что они будто бы своим ревом беспокоят жителей Авариса). Секененра растерян, не может понять, что Апопи хочет этим сказать на самом деле, не может понять, что ему делать, ищет совета – и на этом дошедший текст обрывается. Сюжет с посланием чисто фольклорный, но если «вычесть» весь фольклорный комплекс из Повести, то останется рамочный сюжет, в котором фольклорного уже ничего не будет, причем он окажется чисто историческим и достоверным по характеру: в Аварисе действительно был гиксосский царь Апопи, в Фивах – «туземный» царь Секененра, Аварис некоторое время держал в зависимости Фивы, между Аварисом и Фивами имелося противостояние, которое в итоге кончилось уничтожением Аварисского царства Фиванским при втором преемнике Секененра, война обоих его преемников с Аварисом подавалась как отмщение Аварисскому царству «азиатов-ааму» за притеснения в адрес египтян, одно из главных обвинений в надписи Хатшепсут из Спес-Артемидос в адрес царей гиксосского Авариса заключается в том, что они «правили без Ра» [Urk. IV, 390,7–10], и т.п. Фабулу Повести об Апопи и Секененра задают не фольклорные, а реальные исторические герои, факты и коллизии, и лишь для реализации этих коллизий избрано действие, взятое из расхожего фольклорного сюжета.

В рассказе шейха также не следует упускать из вида основные образующие фабулу моменты, а они не имеют никакого отношения к фольклорному сюжету, наложенному на образуемый ими «каркас». Проведем такую же операцию, какая была описана выше – изыдем из этого рассказа все фольклорное наполнение (все элементы ATU 922 и вообще все элементы которые могут считаться расхожими для фольклора) и оценим то, что останется после этого. За вычетом фольклорных элементов перед нами остаются следующие звенья сюжета, в совокупности образующие вполне связную историю:

некий царь решил погубить свою знать и прочих служилых людей, зачастую возвышенных еще прежними царями;

они, однако, сговорились против него при участии некоего простого человека (в рассказе это гончар), который привлек к их заговору сына одного из предыдущих царей; тот ранее не претендовал на трон, но названный простой человек убедил его примкнуть к заговорщикам и во главе их искать престола;

¹¹ См. обзор многих примеров в [Немировский, 2016].

они смогли добиться, чтобы царь вышел из столицы – Манф (т.е. Мемфиса) (где по контексту рассказа одолеть его нереально);

за пределами столицы они напали на него и свергли; тот, кого уговорил простой человек, стал (по логике рассказа, см. прим. 10) царем, но свергнутого царя при этом, как ни странно, пощадили и оставили при столице.

Этот сюжет лишь насыщен действием, взятым из АТУ 922: оно обеспечивает движение от одного приведенного звена к другому, комплектуя лишь *способы* реализации некоторых намерений героев (царь, желая погубить своих служилых, использует для этого сказочный приём, принадлежащий АТУ 922 – задать им неразрешимые вопросы и предать смерти за неизбежный как будто неотвёт; его выманивают из столицы такими же хитрыми, типичными для АТУ 922, ответами на эти вопросы), но сам сюжет, «загруженный» этим фольклорным материалом, не имеет ничего общего ни со сказками, ни с расхожими беллетристическими клише. Зато он обнаруживает пошаговое схождение с такими же движущими действие элементами знаменитой истории о свержении Априя Амасисом, сообщенной египетскими информантами Геродоту в V в. до н.э.. Приведем эти элементы в табл. 1, вынося в примечания точные цитаты соответствующих мест обоих источников.

Табл. 1

Предание о свергнутом царе, отождествленном информантом-«шейхом» с Баулой.	Рассказ о свержении (570–567 гг. до н.э.) Априя Амасисом у Геродота, в основном по сообщениям египтян (<i>Hdt.</i> II.161–163, 169; приведен последовательно в прим. 13–14, 16, 18–19).
Царь задумал истребить большую часть своей собственной знати ¹² .	Египтяне войск Априя уверились, что он хочет известить их (и подняли против него мятеж) ¹³ .
Некий рядовой человек, чтобы помочь египтянам, которых хочет истребить Баула, договаривается с жившим в столице сыном одного из прежних царей, о том, чтобы тот ради «стремления к царству своего отца» (то есть ради престола) вступил в заговор против Баулы.	Амасис сначала не примыкал к ним, но некий простой египтянин из числа мятежников надел ему на голову шлем и провозгласил царем, после чего тот возглавил мятежников ¹⁴ .

¹² «...Призвал вазиров и тех, кому цари – его предшественники – назначали жалованье и награды, а Баула будто бы считал, что этого слишком много, и сказал: “Я хочу у вас спросить кое-что (...). А если вы не ответите, я отрублю вам голову”» (следуют вопросы, на которые, по мнению и самого Баулы, и вопрошаемых ответить нельзя, а затеял он все это, чтобы избавиться от своих сановников и необходимости им платить. Действительно, сколько они ни совещаются, они не могут придумать ответов).

¹³ *Hdt.* II.161: «Априй послал войско против Кирены, но оно потерпело тяжкое поражение. За это египтяне распалились на царя и подняли восстание, так как полагали, что он, желая известить их, намеренно послал на явную погибель, чтобы самому более надежно править над остальными. Так вот, уцелевшие от гибели египтяне и их друзья, возмущенные этим, подняли открытый мятеж».

¹⁴ *Hdt.* II.162: «Получив весть о восстании, Априй послал к мятежникам Амасиса успокоить их посулами. Когда же Амасис прибыл и стал уговаривать их, какой-то египтянин во время его речи сзади надел ему шлем на голову и объявил, что этим коронует его на царство. Это произошло отнюдь не против воли Амасиса, что он и не замедлил доказать. Когда мятежники провозгласили его царем, Амасис стал готовиться к борьбе с Априем».

Заговорщики выманили Баулу из столицы, где он по контексту был непобедим, напасть на него и одолеть его можно было только за стенами столицы. Там они его и одолели и лишили власти ¹⁵ .	Априй выступил против Амасиса из своей столицы, был разгромлен вне нее и попал к мятежникам в плен (<i>Hdt.</i> II.163+169). При этом подчеркивается, что Априй был уверен в своей непобедимости ¹⁶ .
Мятежный царевич получил престол, а Баула был пощажен и остался сидеть в жалком положении при стенах столицы ¹⁷ .	Амасис сел на престол, а Априй был пощажен и некоторое время оставался пленником в столице ¹⁸ .
—	Потом, однако, по требованию египтян Амасис выдал им Априя, и они его убили (при этом опять-таки подчеркивается, что сам Амасис его пощадил) ¹⁹ .
Общий характер соотношения ролей героя, севшего в итоге на престол, и посадивших его на престол египтян – ведущая сила тут именно египтяне: они сами втягивают его в заговор, именно они как группа низвергают прежнего царя без выделения какой-то лидирующей роли указанного героя, хотя и при оговоренном его участии.	Общий характер соотношения ролей Амасиса и египтян: он садится на престол, но они играют более активную роль – они понуждают его принять царский венец, потом добиваются от него выдачи на смерть Априя, чего сам Амасис не хотел, но им уступил.

Пошаговый параллелизм очевиден. При этом здесь слишком много последовательных схождений (лишь финальная смерть свергнутого и пощаженного поначалу царя осталась за чертой его рассказа) и эти схождения слишком специфичны, чтобы их можно было считать плодом совпадения по конвергенции. Подчеркнем, что все элементы в правой колонке не имеют никакого отношения к сюжетному типу ATU 922, не находят параллелей в его реализациях и в типичных фольклорных и беллетристических коллизиях вообще, то есть взяты не из пула фольклорных и литературных клише, и при этом высоко специфичны сами по себе. Присутствие их в нашей истории в том же последовательном сочетании, в каком параллельные и тоже высоко специфические элементы находятся в рассказе Геродота, в обоих случаях в одной и той же значимой роли (основной набор элементов движения всей фабулы) остается объяснять тем, что эти два рассказа – разновременные варианты

¹⁵ «Гончар пришел к нему (сыну одного из прежних царей) и спросил, заботит ли того царство его отца и стремится ли он к нему. Тот ответил: «Невозможно вывести его – подразумевая царя Баулу – из города Манф». Гончар обещал: «Я выведу его для тебя». (...) Гончар вышел вместе с Баулой [из города]. (Там) вместе с юношей, сыном царя, они напали на Баулу и свергли его».

¹⁶ *Hdt.* II.169: «По рассказам, Априй воображал, что даже бог не может лишить его царства. Столь прочно, казалось ему, сидит он на престоле».

¹⁷ «Вместе с юношей, сыном царя, они напали на Баулу и свергли его. (...) И он стал сидеть у ворот города Манф, [что-то] нащепывая и бессвязно бормоча» (о том, что этот юноша по смыслу повествования получил престол, см. прим. 10).

¹⁸ *Hdt.* II.169: «Но все же тогда он был побежден в бою, захвачен в плен и уведен в город Саис в свой прежний дворец, теперь уже принадлежавший Амасису. Сначала Априя некоторое время содержали в царском дворце, и Амасис хорошо обходился с ним».

¹⁹ *Hdt.* II.169: «В конце концов, когда египтяне стали роптать (они считали, что Амасис несправедливо поступает, оставляя жизнь своему и их злейшему врагу), и Амасису пришлось выдать им Априя. Египтяне же задушили его и затем предали погребению в усыпальницах предков».

передачи сюжетов одного куста, определенного скелетом из указанных элементов (что неудивительно на фоне фиксации исламско-египетской ученостью многих, в том числе еще более древних египетских историко-легендарных сюжетов, непрерывно бытовавших до средневековья включительно, см. прим. 3). Иными словами, предание о падении Априя, зафиксированное Геродотом, дожило в Египте до исламского времени, и рассказ «шейха» представляет финальную, уже очень фольклоризованную стадию его бытования, причем в какой-то момент этой стадии оно уже могло быть приурочено к имени царя «Баулы» (resp. Нехо II, хронологически недалекого от Априя). Сохранился даже мотив кажущейся непобедимости Априя (в рассказе «шейха» – в виде фольклоризованного представления о том, что для победы над данным злым царем нужно, чтобы он вышел из столицы, в рассказе египтян Геродоту – в виде сообщения, что Априй был совершенно убежден в собственной непобедимости). Сохранено и доброжелательное отношение к свержению царя, выраженное информантами Геродота: в рассказе «шейха» и по самому его сюжету царь свержается за умысел безвинно уничтожить множество заслуженных подданных, и гончар достаточно недвусмысленно намекает, что это свержение произойдет по воле самого Бога (прим. 8).

Специфический характер сопряжения в обсуждаемой истории ее выявленного историко-легендарного ядра с наполнением ее фольклорным материалом сюжета ATU 922 типичен для древнеегипетской традиции в целом как упоминалось выше – точно такой же механизм подобного сопряжения применен в Повести об Апопи и Секененра, причем связывается там историческая коллизия подобного же типа с тем же материалом ATU 922. В обоих случаях в основе всего рассказа лежит реальное противостояние царей или династий (Априя и Амасиса; гиксосского Аварисского царства «азиатов» и туземного Фиванского царства XVII династии), но в основу изображения того, как именно это противостояние реализуется, кладется чисто фольклорный сюжет ATU 922, лишь дополняемый деталями и финалом, идущими от реальной истории и памяти о ней (в рассказе «шейха» – свержение царя, которого, по крайней мере сразу после этого, оставили в живых, и решающее участие некоего особо выделенного простого человека в выдвижении нового царя; в Повести об Апопи и Секененра, помимо самих участников – какое-то посрамление или умаление гиксосов перед Фивами в недошедшем конце Повести, поклонение гиксосов Сету в ее сохранившемся начале и т.д.). Заметим, что сам сюжетный ход с воцарения после низвержения злого государя не кого иного как потомка одного из предыдущих царей (что придает самому низвержению авторитет) также встречается нам в египетской исторической традиции VI–V вв. до н.э. об Априи, но на этот раз в использовании его сторонниками, врагами Амасиса. Последние после завоевания Египта Камбисом утверждали, что Камбис – сам внук Априя (от брака Кира с его дочерью) и «пошел войной на Амасиса» (и его сына) как мстителя за своего деда Априя и его семью (*Hdt.* III.1–2), так что в лице Камбиса на престол Египта после ниспровергнутого им дома Амасиса воссел потомок законного бывшего египетского царя.

В одном месте, как кажется, и сама реализация сказочного сюжетного типа ATU 922 в нашем рассказе обнаруживает свое древнеегипетское происхождение. Среди хитроумных вопросов, которые злой царь задает придворным, наряду с вопросами, типичными для этого сюжетного типа как такового («Сколько звезд на небе?»), присутствует один, не имеющий как будто подобных параллелей: «Каков размер того, что солнце заслуживает от людей каждый день?» – причем из ответа становится ясно, что речь идет о вознаграждении солнца за его деятельность на благо людей (ответ гласит: «Один кират, потому что работник весь день до ночи трудится и берет в уплату столько»). Представление о том, что солнце должно что-то регулярно получать от людей за свою деятельность, не вяжется с авраамическим монотеизмом, в духе которого уже выдержан рассказ «шейха» (ко времени

этого рассказа египтяне уже более четырехсот лет придерживались различных изводов такого монотеизма), и может быть объяснено как реликт древнеегипетского отношения к солнцу, возникавшего в рамках бывшей языческой религии Египта, с ее культом Солнца и регулярными жертвоприношениями ему (точнее, солнечным богам).

Таким образом, рассказ «шейха» из египтян IX в. н.э. о свергнутом царе – это финальная из дошедших до нас форма про-амасисовского предания о свержении Априя Амасисом, ранняя форма которого была за 1300 лет до того сообщена Геродоту его египетскими информантами. На той линии, которая вела от форм этого раннего историко-анекдотического облика к рассказу шейха, сюжет утратил большинство конкретных исторических деталей, оказался, вполне по (древне)египетским правилам, «загружен» действием, взятым из сказочного фольклора, но сохранил и привязку к эпохе, отвечающей XXVI династии (только внутри этой эпохи оказался в какой-то момент переприписан «Бауле» = отражению Нехо II – вместо Априя), и практически в полном виде специфику про-амасисовской версии, известной Геродоту: положительное отношение к перевороту, обвинение царя в желании сжить со свету своих служилых и т.д. Не нуждается в комментариях то, что герой, выдвинутый заговорщиками против прежнего царя на престол (чей образ в конечном счете восходит к Амасису), объявляется сыном одного из предыдущих царей. Сам Амасис себе такого не приписывал, не приписывали ему такого и доброжелательные к нему информанты Геродота, но этот мотив вполне естественно мог возникать в легендах, отражающих про-амасисовскую позицию, поскольку легитимизировал бы героя сюжета, превращая его из захватчика царской власти, не имевшего к ней никакого отношения, в потомка ее бывших законных обладателей. Яркий пример такого же рода – вышеупомянутое утверждение египетских противников дома Амасиса, что Камбис – внук Априя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Банщикова А.А. Мотивы древнеегипетского фольклора в рассказе Ибн Абд ал-Хакама о царице Далуке. *Восток (Oriens)*. 2007. № 1. С. 33–43 [Banshchikova A.A. Motifs of Ancient Egyptian Folklore in Ibn Abd al-Hakam's Story about Queen Daluka. *Vostok (Oriens)*. 2007. No. 1. Pp. 33–43 (in Russian)].

Банщикова А.А. *Переломные эпохи в исторической традиции и сознании древних египтян (по источникам конца II тыс. до н.э. – I тыс. н.э.)*. М.: ЛЕНАНД, 2015 [Banshchikova A.A. *Turning Points in the Historical Tradition and Consciousness of the Ancient Egyptians (based on the sources of the late 2nd millennium BC – 1st millennium AD)*. Moscow: LENAND, 2015 (in Russian)].

Ибн Абд ал-Хакам, Абд ар-Рахман. *Завоевание Егунта, ал-Магриба и ал-Андалуса*. М.: Наука, 1985 [Ibn Abd al-Hakam Abd ar-Rahman. *The Conquest of Egypt, al-Maghrib, and al-Andalus*. Moscow: Nauka, 1985 (Russian translation)].

Немировский А.А. Сказка об Апопи и Секененра: проблема завершения и интерпретации сюжета. *Scripta Antiqua*. 2016. Вып. 5. С. 132–166 [Nemirovsky A.A. Tale of Apophis and Seqenenre: The Problem of Plot Ending and Interpretation. *Scripta Antiqua*. 2016. Vol. 5. С. 132–166 (in Russian)].

Немировский А.А. Рубеж XIX / XX династии и Исход как историческая веха в позднеегипетско-коптской схеме истории Египта. *Aegyptiaca Rossica*. Вып. 7. Под ред. М.А. Чегодаева, Н.В. Лаврентьевой. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2019(1). С. 214–225 [Nemirovsky A.A. The 19th/20th Dynasties Border and the Exodus as a Historical Milestone in the Late Egyptian and Coptic Scheme of Egyptian History. *Aegyptiaca Rossica*. Vol. 7. M.A. Chegodaev, N.V. Lavrentyeva (eds.) Moscow: Russky fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2019(1). Pp. 214–225 (in Russian)].

Немировский А.А. Одно коптское предание об основании Александрии: память глубиной в две тысячи лет. *MARE NOSTRUM. Соль Средиземноморья*. Вып. 1. М.: ИВИ РАН, 2019(2). С. 7–63 [Nemirovsky A.A. One Coptic Tradition about the Foundation of Alexandria: A Memory Two Thousand

Years Deep. *MARE NOSTRUM. Mediterranean Salt*. Vol. 1. Moscow: Institute of World History of the RAS, 2019(2). Pp. 7–63 (in Russian)].

Немировский А.А. Владычество амалекитов в Египте у арабоязычных авторов: гиксосское правление в египетских и азиатских преданиях. Аннотация сюжетов. *Studia Historica*. Т. XVII. М.: ИВИ РАН, 2022. С. 175–241 [Nemirovsky A.A. The Rule of the Amalekites in Egypt According to Arabic Authors: Hyksos Rule in Egyptian and Asian Traditions. Annotation of the plots. *Studia Historica*. Vol. XVII. Moscow: Institute of World History of the RAS, 2022. Pp. 175–241 (in Russian)].

Немировский А.А. Последняя династия независимого Египта в исламской ученой традиции. *Восток (Oriens)*. 2025. № 3. С. 6–17 [Nemirovsky A.A. The Last Dynasty of Independent Egypt in the Medieval Islamic Scholar Tradition. *Vostok (Oriens)*. 2025. № 3. Pp. 6–17 (in Russian)].

Немировский А.А., Банщикова А.А. Одно коптское предание в «Сокращении диковин» (Независимая общественная память вне государственного влияния). *Диалог со временем*. 2020. Т. 72. С. 255–270 [Nemirovsky A.A., Bانشchikova A.A. Coptic Tradition about Amarna Reform in «Mukhtasar al-Ajaib»: Independent People's Memory Outside of State Influence. *Dialogue with Time*. 2020. Vol. 72. Pp. 255–270 (in Russian)].

Cook M. Pharaonic history in medieval Egypt. *Studia Islamica*. 1983. Vol. 57. Pp. 67–103.

El-Daly O. *Egyptology: The Missing Millennium. Ancient Egypt in Medieval Arabic Writings*. London: UCL Press, 2005.

Maçoudi. *Les prairies d'Or*. C. Barbier de Meynard (ed.) Vol. 2. Paris: Imprimerie impériale, 1863.

Maqrizi. *Description topographique et historique de l'Égypte*. Vol. I. U. Bouriant (ed.) Paris: Leroux, 1895.

Murray M.A. Maqrizi's Names of the Pharaohs. *Ancient Egypt*. 1924. Vol. 2. Pp. 51–55.

Torrey Ch. The Egyptian Prototype of “King John and the Abbot”. *Journal of the American Oriental Society*. 1899(1). Vol. 20. Pp. 209–216.

Torrey Ch. The Egyptian Version of the Story of King John and the Abbot of Canterbury. *Open Court (Chicago)*. 1899(2). Vol. 13/9. Pp. 559–562.

Torrey Ch. *Ibn 'Abd al-Ḥakam. Kitāb futuḥ Misr wa akbārahā (The History of the Conquests of Egypt, North Africa, and Spain)*. New Haven: Yale University Press, 1922.

Urk. IV – Sethe K., Helck W. *Urkunden des ägyptischen Altertums. Abteilung IV: Urkunden der 18. Dynastie. 1–22*. Leipzig, Berlin: Hinrichs, Akademie Verlag, 1906–1958.

Wiet G. *L'Égypte de Murtadi fils du Ghaphiphe*. Paris: Geuthner, 1953.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НЕМИРОВСКИЙ Александр Аркадьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН, Москва, Россия.

Alexander A. NEMIROVSKY, PhD (History), Senior Research Fellow, Department of Comparative Studies of Ancient Civilizations, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.